

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern . . . 0.70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 22 (354)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bâf. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11 — 1 ч.

26 Ноября 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: «Освобождение социалистической идеи».
С. Шварц. Личное и общественное.
Б. Сапир. VI-ой Конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи.
В. Александрова. Культура и жизнь: Дела поэтические.
П. Гарви. Класс против класса! (Выборы в Англии).
Заграницей: 17-летие самостоятельной Латвии. — «Друзья

иностраных рабочих».
К международной дискуссии о войне: О. Доманевская. Война и задачи рабочего класса. — Отклики на «тезисы» Бауэра-Дана-Дюнуа-Жиромского: Чешский с. д., тов. Коцкий; Ж. Б. Северак; тов. П. Шеффлер.
Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик. — От редакции.

Фельетон: Люсьен Лора. Планизм или ревизия ревизионизмов (окончание).

„Освобождение социалистической идеи“

Всем памятен еще, конечно, вызвавший такое негодование большевиков эпизод на июньском парижском съезде писателей, когда, наряду с проф. Сальвемини, бельгийским писателем Плинье и немногими другими, обличавшими отсутствие свободы мысли и слова в Советском Союзе, выступила т. Маделэн Паз, член французской социалистической партии, с пламенным протестом против преследований, которым вот уже чуть не десяток лет подвергается Виктор Серж, все преступление которого состоит в неугодном сталинской диктатуре «образе мыслей».

Это выступление вызвало со стороны т. Я. Пескина «Открытое письмо т. Маделэн Паз», помещенное в сентябрьском номере журнала «Комба Марксист». Отдавая должное благородному мужеству т. Паз, не спасавшей перед аудиторией, целиком находившейся под влиянием большевиков, т. Пескин счел однако своим долгом указать ей на следующее:

«Вы сказали истину, но не всю истину. Вы говорили о Викторе Серже, но не говорили о Череванине, Ежове и других писателях и ученых, которые сидели и сидят еще в тюрьмах, концентрационных лагерях, местах ссылки... Я знаю, что и судьба этих других близка вашему сердцу. Но скажите-же это с таким же мужеством, с каким вы говорили о Серже».

В следующем-же номере того-же журнала т. Паз отвечает т. Пескину, выражая, как это иначе и быть не могло, свое полное согласие с ним. Если она до сих пор говорила только о Серже, то потому, что его случай известен ей во всей конкретности. Чтобы успешно бо-

роться за свободу мысли в Советском Союзе, недостаточно абстрактного утверждения о преследованиях, которым там подвергаются инакомыслящие: надо иметь возможность подкреплять свои утверждения конкретными данными, которые не могут быть оспорены. И, обращаясь к т. Пескину, т. Паз спрашивает:

«Можете-ли Вы или знаете-ли Вы товарищей, которые могут помочь мне — дать имена, факты, даты, цифры, географические указания, точные, проверенные, неопровержимые данные?... Если мне помогут установить точные, ясные, неопровержимые факты, которые одни только в состоянии придать плоть и кровь абстрактной истине и одни только могут дать возможность добиться конкретных результатов, то надо-ли говорить, что и для других, безвинно населяющих сегодня советские тюрьмы, я так же от всего сердца, с такою-же страстью и с таким-же упорством буду делать то, что я сделала для Сержа?»

Здесь т. Паз касается поистине большого пункта в вопросе о терроре против всех инакомыслящих революционеров, социалистов и коммунистов, не только практикуемом до сих пор в Советском Союзе, но за последнее время, вопреки всем отказам от теории «социал-фашизма» и повороту к «единому фронту», явно усиливаемом и обостряемом. И т. Паз очень хорошо сделала, что коснулась этого пункта, ибо в нем именно может быть разорван, наконец, порочный круг, принудительно создающий настоящий «заговор молчания» о подавлении свободы всякой, даже неоспоримо революционно - социалистической мысли в стране, правительство которой объявляет себя диктатурой революции и социализма, в частности — о преследованиях,

которым вот уже свыше 15 лет непрерывно подвергается ряд наших товарищей - социалдемократов.

Мы давно уже избегаем печатать на страницах нашего органа те «точные факты и данные» об этих преследованиях, которых требует т. Паз. Почему? Потому что у нас этих фактов и данных не имеется? О, нет! Мы, увы, скорее можем жаловаться на их изобилие, чем на их недостаток! Но, если мы уже ряд лет избегаем опубликовывать эти факты и данные, то только потому, что на практике «конкретные результаты» такого опубликования начали все больше сводиться лишь к значительному ухудшению положения и новым репрессиям по адресу тех наших товарищей, имена которых появлялись в публикуемых нами мартирологах. Почему же это так случилось? Почему раньше оглашение вопиющих фактов преследования социалистов в России приводило как раз к обратным «конкретным результатам» — вплоть до освобождения из тюрем и мест ссылки тех, чей крестный путь становился известен социалистическому общественному мнению мира? Да только потому, что раньше само это социалистическое общественное мнение иначе реагировало на сообщения такого рода, — реагировало гласными протестами партий, союзов, съездов, печати. Только прекращение такой реакции со стороны международного социализма позволило и позволяет советской диктатуре по своему «реагировать» на опубликование фактов преследования социалистов в России. Молчание международного социализма явилось и является таким образом неизбежной причиной и нашего молчания о тех бесчисленных «фактах и данных», которые нам более, чем хорошо, известны: тут и образуется тот порочный круг, о котором мы говорим выше...

Было бы совершенно неверно приписывать этот «заговор молчания» той тактике единого фронта, которую ведут некоторые партии Социалистического Интернационала и которую, как известно, поддерживает не только наша партия в целом, но и многие из тех товарищей в Советском Союзе, которые сами являются жертвами наиболее свирепых преследований большевистской диктатуры, — достаточно напомнить о «казанской телеграмме». Нет, заговор молчания начался задолго до того, как начала осуществляться тактика единого фронта. Более того: исторически, если угодно, инициаторами этого «заговора» явились — по государственно-национальным соображениям и из обманчивой надежды, гарантировав коммунистам Советского Союза «иммунитет» от социалдемократической критики, добиться и для себя, в «своей» стране «иммунитета» от наскаков коммунизма! — как раз многие из тех социалистических партий, которые и по-сейчас относятся к движению единого фронта резко враждебно. Но, если «единый фронт» никоим образом не повинен в «заговоре молчания», то нельзя все-же не видеть, что и многие виднейшие сторонники движения к единству в международном социалистическом лагере склонны практиковать этот «заговор» — опять-таки из совершенно ошибочной и иллюзорной надежды облегчить таким образом осуществление единства, ставшее жизненной потребностью международного рабочего движения. Тов. Паз пишет по этому поводу:

«Как и Вы, т. Пескин, я думаю, что протесты (против преследований социалистов) не только не вредят единству, а, наоборот, отвечают высшим интересам революции. Потому что единство означает не благодушное сложение обоюдных грехов, не коллективное коленопреклонение перед совершенными ошибками и не самоустранение масс перед вождями, а совместное, руководимое отчетливым сознанием, продвижение вперед по вполне ясно видимому пути».

К теме о соотношении между движением единства и «замалчиванием русской проблемы» и, в частности,

замалчиванием вопроса о преследовании социалистов в Советском Союзе нам еще придется вернуться в ближайшем будущем. Здесь достаточно отметить, что мы целиком подписываемся под словами т. Паз. Мы, вместе с нею, думаем, что никакое серьезное движение и менее всего движение такого всемирно-исторического значения, как движение к восстановлению рабочего единства, не может быть построено на эquivoках, двусмысленностях, неясности и умолчаниях. Мы думаем, что — не в «интересах русских социалдемократов», а в интересах своего собственного движения инициаторы «единого фронта» в социалистическом лагере должны быть в то же время инициаторами критического, революционно-социалистического освещения «русской проблемы» во всей ее полноте, сложности и противоречивости; более того, мы уверены, что они, в конце концов, будут самым ходом вещей вынуждены к такому освещению, и что действительная опасность заключается в том, как бы этот «конец концов» не пришел слишком поздно с точки зрения подлинных интересов международного рабочего движения. Ибо не надо забывать указания старой латинской поговорки о различии участи тех, кто открытыми глазами смотрит на действительность и кого поэтому эта действительность «ведет», и теми «упирающимися», которых она «тащит» за шиворот...

Но, повторяем, к этим вопросам мы еще вернемся. Здесь же достаточно отметить, что т. Паз берет на себя инициативу разрыва «порочного круга» в той партии, на которую история возложила ведущую роль в работе над восстановлением пролетарского единства. И этой инициативы достаточно, чтобы и мы могли прервать свое молчание и приподнять хоть краешек завесы над теми «фактами и данными» самого последнего времени, которые являются лишь малой песчинкой в бесконечном мартирологе русских социалистов, — в уверенности, что на этот раз опубликование «имен, дат, географических указаний» не пройдет бесследно, и что поэтому и большевистской диктатуре придется «реагировать» на него несколько иначе, чем она это делала за последние годы.

И. И. Этот заслуженнейший деятель рабочего движения и социалдемократии, экономист, социолог, статистик и публицист, в августе прошлого года «отпраздновал» свое 65-летие в одиночке Верхне-Уральского изолятора, где он провел свыше 3 лет, а ныне, «освобожденный» после «юбилея» (отмеченного в свое время в «Попюльн»), что, видимо, не осталось без влияния на его судьбу!), томится в захламленном обойденном всяческим «строительством» Акмолинске, не имея заработка, ни возможности научной работы, ни общества единомышленников и друзей, ни даже своей комнаты: ему приходится ютиться в углу...

Вот — 78-летний Исидор Иванович Рамишвили, один из пионеров социалдемократии на Кавказе, славный член социалдемократической фракции 1-ой Государственной Думы. Вот уже почти полтора десятка лет большевистская диктатура, поднявшая ныне знамя «социалистического гуманизма», гоняет его из тюрьмы в ссылку, из Астраханского края в Туркестан, из Туркестана на Кавказ, из города в деревню, из одной деревни в другую, осуждая больного старика на холод, голод, всевозможные лишения...

А вот, после этих «стариков», один из виднейших деятелей нашего союза молодежи — Андрей Сергеевич Кранихфельд, о судьбе которого только что рассказал на страницах того же «Комба Марксист» т. Б. Сапир. С 1921 года, т. е. с 19-летнего возраста, ныне уже 33-летний Кранихфельд не прекращает своего странствования по тюрьмам и ссылкам большевистской

диктатуры. Через Соловки, Тобольский изолятор, Амур-Дарьинские степи, Суздальский изолятор, Астраханскую ссылку прошел он, чтобы ныне снова быть отправленным «на три года» в Нарымский край, в село Колпашево...

Вот, наконец, наше «среднее» поколение — т. Ежов и Захарова, авторы «казанской телеграммы», после 15 лет мытарствования по тюрьмам и ссылкам, многочисленных голодовок и пр., снова отправленные — в отместку за их мужественное выступление от имени русской социалдемократии в защиту рабочего единства! — в новую сибирскую ссылку, в село Камень. Или — т. Иван Григорьевич Рожковский, совершенно измотанный долготлетним тюремным заключением, а ныне снова арестованный и отправленный в концлагерь, на те самые каторжные работы, которые организуют «на хозрасчете» чекисты и которые Горький воспеваает, как орудие нравственного возрождения каторжан!..

В рамках этой статьи нам невозможно продолжать это перечисление «имен и фактов». Скажем лишь кратко: за сухим перечислением скрывается бесконечная вереница страданий и не только политических, но личных и семейных драм; за ним скрывается упорная борьба тем единственным средством, какое еще находится в распоряжении жертв диктатуры — голодовками и за «право» быть посланным не в концлагерь, а «только» в ссылку, за «право» отбывать ссылку в одном месте с близким человеком, с женой, с мужем; за «право» не погибнуть окончательно физически и духовно; за «право» сохранить человеческий облик и человеческое достоинство. Но «заговор молчания» оказывает свое действие: чекисты становятся все неподатливее, а голодовки все длительнее и упорнее. Члену нашего союза молодежи Заммелю, уже 12 лет подряд переходящему из ссылки в изолятор и из изолятора в ссылку, пришлось голодать 22 дня, чтобы выйти из тюрьмы и быть отправленным в ссылку, в Вятскую губернию. А с.р. Николай Леонтьевич Мухин, побывавший уже в Соловках, «выголодавший» себе замену концлагеря ссылкой, а затем снова голодавший, чтобы ссылкой этой не был глухой Обдорск, оплатил свою борьбу с мертью: выпущенный в Тюмени, после 27 дней почти сплошной голодовки, он через три дня сошел в могилу от дизентерии...

Нало-ли говорить, что ни о каком «суде» во всех этих случаях не было и речи, что с социалистами идет чисто застеночная расправа чекистов? И нало-ли напоминать о том, что в 99 случаях из 100 единственное «преступление», которое чекисты могут поставить в «вину» своим жертвам, заключается просто-напросто в окончании срока старой расправы, автоматически вызывающем расправу новую?

Но довольно «фактов и данных»! Мы даем в этих строках лишь первый материал для кампании, начинаемой т. Паз, и наш мужественный французский товарищ может быть уверен, что недостатка в дальнейшем материале у него не будет. Мы с тем большею настойчивостью будем поддерживать эту кампанию, что ждем от нее «конкретных результатов» отнюдь не только в виде смягчения страданий наших товарищей в Советском Союзе. В наших глазах она имеет гораздо более широкое, политическое значение: ее успех, отвечающий «высшим интересам революции», означает бы начало создания и в Советском Союзе предпосылок, которые необычайно усилили бы и сделали реальным и прочным движение к восстановлению рабочего единства. Ибо — нельзя не согласиться с тем, что пишет автор передовой в том-же номере «Комба Марксист», где помещен ответ т. Паз т. Пескину:

«Надо подчеркнуть, что вопрос идет о чем-то гораздо более широком, чем полицейские преследования, жертвами которых становятся социалисты в России. Мы, конечно, с радостью встретим освобождение социалистов и инакомыслящих коммунистов, которых ныне на шестой части земного шара держат в тюрьмах и ссылках. Но признаемся, одного этого, по нашему мнению, совершенно недостаточно. Чему поможет освобождение наших русских товарищей, если над освобожденными будет вечно висеть угроза нового ареста за высказываемые ими мнения? Мы требуем не только освобождения людей. Мы требуем сверх того и больше всего освобождения идей, потому что свобода идей включает в себя свободу и людей, а свобода людей без свободы идей не имеет никакой ценности».

Сами наши товарищи, томящиеся в тюрьмах и ссылках большевистской диктатуры, никогда иначе и не понимали своего «освобождения», которого они не перестают требовать, как освобождения социалистической идеи. Потому ведь «окончание срока» всякой наложенной на них кары и становится началом новой серии преследований, что они никогда не соглашались понимать свою «свободу», как свободу вести обывательское существование на территории Советского Союза, а лишь как свободу продолжать политическое, социалистическое и революционное дело своей жизни. И именно поэтому дело их освобождения может и должно стать делом всего международного социализма. Ибо «освобождение социалистической идеи» есть не только неперемное условие освобождения людей, являющихся носителями этой идеи, но и условие раскрепощения и свободы рабочих организаций Советского Союза. А ничто так не необходимо для конечного торжества революции в Союзе, для превращения его в подлинную опору международного рабочего движения и для подлинного успеха дела восстановления пролетарского единства, как это раскрепощение и эта свобода...

Личное и общественное

С первых же шагов стахановского движения и руководители советской политики и вся пресса с исключительной настойчивостью подчеркивали значение трудовых рекордов с точки зрения личных интересов каждого отдельного стахановца: заработок стахановцев резко повышается, втрое, вчетверо, впятеро, вдесятеро обгоняя заработок среднего рабочего; да и сверх заработка заводоуправления осыпают особо выдающихся стахановцев всяческими материальными благами: новая квартира с мебелью, автомобиль, выездная лошадь, пианино и пр. В этом нередко даже больше бюрократической шумихи и сутолоки, чем действительной заботы об интересах стахановца. Так забойщик шахты «Кочегарка» Артюхов (прославившийся тем, что вырубил отбойным молотком в одну смену 532 гонны угля!) с наивной гордостью рассказывал на всесоюзном совещании стахановцев, что шахтоуправление подарило ему пианино. — «Умеешь играть?» — бросил ему Орджоникидзе. — «Пока не умею, но заверяю любимого наркома, что раз уголь умею рубать, научусь и играть» («Правда» от 16-го ноября).

Но вот собралось всесоюзное совещание стахановцев, и вопрос в силу законов массовой психологии неизбежно передвинулся в другую плоскость. Конечно и на это совещание многие участники его принесли с собой пафос личного преуспевания. Особенно резко сказались это в речах свердловшии не названного завода оборонной промышленности Славниковой и Макаровой. Мысли обеих, поскольку они

нашли выражение в их речах, всецело сосредоточены на том, чтобы отличиться и побольше заработать, чтобы купить «крепдешинное платье», пальто за 700 рублей, «молочного цвета туфли». Давая слово Макаровой, Орджоникидзе так и представил ее совещанию: «Это та Макарова, которая заработала 1.300 рублей и хочет купить молочные туфли» («Правда» от 17-го ноября). И что, может быть, самое поразительное, Орджоникидзе явно хотел как-то подбодрить Макарову этой характеристикой.

В речах других участников совещания ноты эти звучали менее резко. Здесь личное принимало иногда иные формы. Кузнец Сталинградского Тракторного завода Васильев рассказал, как, находясь в отпуску, он узнал, что стахановец Адрианов на Харьковском Тракторном перекрыл его рекорд штамповки шатунов. «Конечно, у меня сильно вскипело: как это он меня побил?» Прервав отпуск, Васильев вернулся на завод и через несколько дней поставил новый рекорд. Но Адрианов опять его перекрыл. «Это меня взорвало». И т. д. («Правда» от 18-го ноября). Такие нездоровые настроения сказались в речах ряда участников совещания и они явно подогревались поощрительными и часто подзуживающими репликами Орджоникидзе и Сталина.

Но среди самих стахановцев сказываются нередко — и на совещании это обнаружилось достаточно отчетливо — совсем иные настроения. «Я так понимаю, что действительный стахановец тот, который не только с своих рекордах заботится, не только о своей работе думает, а готов всяким советом помочь товарищу, кто радуется не только своему успеху, а и успеху всего цеха, всего своего завода», говорил на совещании Бусыгин. А перетяжчик ленинградской фабрики «Скорород» Сметанин, таганрогский сталевар Бобылев, пар-

торг шахты «Центральная-Ирмино» Петров (на совещании в ВЦСПС) сообщили, как стахановцы обучают отстающих и передают им свой опыт («Правда» от 15-го ноября). «Вырос мой заработок. Прежде — 450 рублей, теперь до двух тысяч. Но разве в заработке все удовлетворение наше?» говорил Стаханов на приеме в ВЦСПС иностранных рабочих делегаций («Правда» от 13-го ноября), и это не было в его устах фразой.

Возможно, что вчера еще восприятие действительности и у Стаханова, и у Бусыгина, и у Сметанина и у многих других было иное, что к собственному рекорду они пришли с другими мыслями и прежде всего с мыслью о личном успехе. Но когда они очутились в центре общественного внимания, почувствовали себя живой, активной частицей громадного общественного организма, ощутили общественное значение своего труда, у них начала быстро складываться иная психология. Стаханов и Бусыгин, Виноградовы и Кривоносов, Сметанин и Лихорадов в несколько недель заметно выросли, и в сознании их общественные интересы начинают занимать значительное место.

В условиях монопольного господства официальной идеологии бесклассового общества это пробуждение общественного интереса у наиболее даровитых стахановцев неизбежно принимает несколько примитивный характер. Зародыши общественных антагонизмов в современной советской действительности ускользают от их внимания. Общественные интересы это для них на первых порах лишь «интересы нашего завода», «интересы нашего государства». Этим вопрос для них пока исчерпывается.

Но жизнь ставит передовых стахановцев как раз в центре сталкивающихся интересов и не позволяет им успокоиться на этой примитивной позиции. Успехи стахановцев должны стать орудием сильнее-го давле-

Планизм или ревизия ревизионизмов (Окончание)

Еще в одном пункте необходима ревизия обоих ревизионизмов: в вопросе об отношении социализма к средним классам. Прежние споры по этому вопросу между правой и левой велись в условиях, когда капитализму, переживавшему расцвет, удавалось, ломая и подчиняя себе средние классы, в то же время заинтересовывать их в своем процветании. В таких условиях всякая попытка социализма завоевать эти классы неизбежно приводила к обратным результатам, к отказу от специфически социалистических требований и к подчинению социалистической политики про-капиталистическим настроениям мелкой буржуазии, а это вызывало у некоторых элементов левой (назовем хотя бы Гортера и Паннекука) абсолютное отталкивание от всякого союза с средними классами, как с непреклонными и неизменными врагами социализма. В эпоху капиталистического подъема эти две позиции были непримиримы. Не более примиримы они и сейчас, в эпоху явного упадка капитализма; но обе они устарели. В отчаянных усилиях остановить понижение нормы прибыли, сказывающееся уже не в тенденции только, а в реальности, монополистический капитал вынужден все больше нажимать на все трудящиеся классы общества, будь то пролетариат или мелкая буржуазия. Ограбление всех монополиями ценами дополняет эксплуатацию наемного труда, анализированную Марксом.

В момент, когда общее наступление на капитализм становится для пролетариата необходимостью, сам капитал заботится о создании для пролетариата возможности союза с средними классами — союза, основанного на программе социализации, атакующей финансо-

вый и монополистический капитал, между тем как во времена Бернштейна союз с мелкой буржуазией был синонимом капитуляции социализма перед мелко-буржуазной идеологией.

Так капитализм сам подготавливает почву для своей собственной ликвидации. То, что называют «планизмом», есть не что иное, как систематическое развитие элементов преобразования, накопленных длительной эволюцией. Планизм не ставит себе целью примирение обоих указанных выше ревизионизмов. Он не может примирить непримиримого. Планизм — это ревизия обоих этих ревизионизмов. Он не пытается сделать из них микстуру, взяв то, что есть «хорошего» в каждом из них, и освобождая их, на прудонистский манер, от того, что в них есть «дурного». Он преодолевает их, и лишь в этом смысле является их синтезом, предполагающим исчезновение как реформистского тезиса, так и нео-бланкистского анти-тезиса.

Но надо еще раз подчеркнуть, что речь идет не о простой игре ума. Синтез лишь потому становится возможным в идеях, что он уже реально совершился в экономической и социальной действительности. И тут мы подходим к экономическим и социальным основам Плана.

Никто уже не спорит сейчас против того, что три зла нашей эпохи — хронический застой, фашизм и война — имеют общие корни в упадочности капитализма, предсмертные конвульсии которого не оставляют человечеству другого выбора кроме смерти от голода или смерти от меча. Поэтому тройная борьба против

ния на широкие рабочие массы в целях не только резкого повышения производительности, но и чрезвычайного напряжения интенсивности их труда. Сегодняшние высокие заработки передовых стахановцев это дымовая завеса, прикрывающая подготавливаемое общее резкое повышение норм выработки без соответственного повышения тарифных ставок. На совещании об этом достаточно прозрачно говорил Жданов. В широких массах ощущение этой опасности очень остро. Отсюда те частые проявления неприязни к стахановцам, которые казенная печать пытается огулом занести за счет классового врага.

Развитие это многих передовых стахановцев поставит перед проблемой: как совместить интересы производ-

ства и интересы широких рабочих масс? как предупредить использование стахановского движения в целях давления на рабочие массы? как обеспечить повышение производительности труда, подготовленное широкой технической реконструкцией, осуществленной за последние годы, как обеспечить это повышение производительности труда на основе общего повышения жизненного уровня рабочих масс? И, может быть, именно для того, чтобы предупредить самую постановку этих вопросов передовыми стахановцами, командиры нашей промышленности так энергично пытаются сосредоточить внимание стахановцев на их личном преуспевании.

С. Шварц.

VI Конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи

Никогда отчеты коммунистической печати, посвященные международным коммунистическим съездам, не были так скупы, как те, которые «Комс. Правда» помещала о недавно закончившемся в Москве конгрессе КИМ'а. В этом факте сказывается отчасти реалистическая оценка правящей партией скромных размеров западно-европейских организаций коммунистической молодежи, отчасти же то обстоятельство, что в сознании среднего комсомольца вопросы международного рабочего движения занимают очень небольшое место. Как бы то ни было, на основании скудных сведений, проникших в печать, приходится судить о результатах VI-го конгресса.

Конгресс собрался спустя 7 лет после предшествовавшего ему V-го. За истекшее время произошли события, преобразившие коммунистический облик Евро-

пы и не оставившие камня на камне в прежней тактике коммунистов. Было бы поэтому любопытно, взяв за основу прения на конгрессе КИМ'а в 1928 г., показать, как резко повернуло руль международное коммунистическое движение. Но о V-ом конгрессе КИМ'а сейчас вряд ли кто помнит. VI-ой же конгресс интересует всех в связи с работами последнего съезда Коминтерна.

Как и следовало ожидать, КИМ пошел по пути, намеченному Димитровым, и попытался, применительно к юношескому движению, сделать выводы из новой линии, утвержденной Коминтерном. Для этого ему пришлось сжечь то, чему он поклонялся, и поклониться тому, что он сжигал. Некогда КИМ, в отличие от Соц. Инт-ла Молодежи, подчеркивал узко-политический характер юношеских организаций и не признавал за ними особой роли в общей системе рабочего движения.

кризиса, против фашизма и против войны неизбежно упирается в общую борьбу трудящихся за ликвидацию капитализма. Чтобы выйти из кризиса, надо перестроить экономику на новых основаниях. Чтобы преградить дорогу фашизму (там, где он еще не овладел властью), надо обессилить крупный капитал, занимающий решающие позиции современной экономики — кредит и монополии. Чтобы нанести решительный удар военной опасности, надо положить конец скачке за рынками сбыта, ведущей к скачке вооружений, положить конец экономической войне, ведущей к войне просто. С какой стороны ни подходить к вопросу, с точки-ли зрения борьбы против кризиса, или против фашизма, или, наконец, против войны, всегда приходишь неизбежно к необходимости атаковать самые основы капиталистического строя, а не те или иные отдельные проявления его.

Хронический застой, давно предсказанный Ф. Энгельсом, имеет своим источником одновременно и недопотребление и перекапитализацию. Мировой экспансии капитализма наступает конец, внекапиталистические сферы сбыта закрываются для старых индустриальных стран*).

Отсюда вытекает первый этап разрешения проблемы: расширение внутреннего рынка!

Но на пути к такому разрешению встает препятствие: поднятие заработной платы, сокращение часов труда, расширение социального законодательства, обществен-

ные работы — все это наносит ущерб капиталистической прибыли, этому двигателю и регулятору хозяйства.

Отсюда второй вывод: надо покончить с капиталистической прибылью и заместить этот двигатель, отказывающийся служить, другим — двигателем общественных потребностей. И потому — социализация!

Но этот второй вывод наталкивается на другое препятствие: невозможно социализировать все. Капитализм далеко еще не созрел для интегральной социализации.

Отсюда — третий вывод: частичная социализация! Иначе говоря, смешанная экономика, сосуществование национализированного сектора и сектора частного-хозяйственного! Переход прямо к «нэп'у», минуя «военный коммунизм»!

Здесь мы встречаем новое затруднение: возможна ли «управляемая экономика» в таких условиях? Потому что:

1. Возможно-ли (и, если да, то как?) управлять хозяйством, лишь частично социализированным?

2. Достаточно-ли частичной социализации для такого расширения потребительской способности внутреннего рынка, чтобы вызвать новый подъем, достаточно-ли ее для преодоления основных законов капитализма (относительное перенаселение, относительное падение заработной платы)?

3. Как провести грань между секторами социализированным и частно-хозяйственным?

Затруднения, вызываемые частичной социализацией, ведут к четвертому выводу: необходимо овла-

*) Мы опираемся здесь на теорию, развитую Розой Люксембург в ее «Накоплении капитала», несмотря на явные пробелы, которые можно констатировать в ходе ее мысли. Рамки этой статьи не позволяют нам остановиться на этих пробелах, о которых мы имели случай говорить более подробно в «Ла Критик социаль» (№ 7) и в «Комба марксист» № № 20 и 21-22).

Ныне КИМ клеймит попытки руководителей коммунистических союзов копировать «взрослые» партии и вместе с СИМ'ом защищает ту точку зрения, что юношеское движение имеет специфические задачи. Эти задачи КИМ — опять-таки в полном согласии с социал-демократией — усматривает в воспитательной работе. Любой работник юношеского социалистического движения согласится подписать следующее заявление передовика «К. Пр.» (26-X): «Не голая политика.. а житейские вопросы становятся в центре юношеской организации. Вопросы заработной платы, образования, мелких бытовых удобств и развлечений, вопросы семьи и человеческих отношений, вопросы искусства и науки, проблемы любви и дружбы — все находит себе место в работе юношеских организаций».

Не менее разителен поворот в области политики. Куда девались лозунги о молодых социал-фашистах? «Первый шаг в борьбе за единство трудящейся молодежи — объединение комсомолов с социалистическими союзами молодежи, которые также как и КИМ, стоят на антифашистских позициях», — читаем мы в центральном органе ВЛКСМ («К. Пр.» 26-IX). А каким языком заговорили деятели КИМ'а о демократии и о свободе! Делегат русского союза счел нужным торжественно провозгласить на конгрессе: «Сейчас КИМ отказался от старой тактики. Он выступает не только «против», но и «за»: за мир, свободу и демократию, против фашизма, милитаризма, реакции» («К. Пр.» 8-X). Такое заявление кажется по меньшей мере несколько странным в устах представителя организации, все сделавшей и продолжающей делать все от нее зависящее, чтобы растоптать ростки демократии и свободы в России. Но к вопросу о России мы еще вернемся.

Отступление КИМ'а, как видим, полное. И происходит VI-ой конгресс года два тому назад или во всяком

случае до VII-го с'езда Коминтерна, его работы вызвали бы сенсацию. Но осенью 35 года, когда не успели еще отзвучать речи Димитрова, Эрколи и др., открывший КИМ'а недостаточно. КИМ не сделал шага вперед по сравнению с VII-м конгрессом Коминтерна и уже одним этим глубоко разочаровал тех, кто ждал от него каких-то особенных заявлений, сметающих как по мановению жезла все препятствия к установлению единого фронта. КИМ не только обманул ожидания таких оптимистов. Он заставляет насторожиться и тех, кто отдает себе отчет в огромных трудностях, стоящих на пути к преодолению раскола рабочего класса.

В самом деле, как ставился на VI-ом конгрессе вопрос о единстве? Из ряда речей мы выбираем речь французского делегата Гюйо, закрывшего конгресс. «Это об'единение (речь идет об об'единении молодежи. — Б. С.) не может быть осуществлено, если не будут созданы действительно массовые беспартийные организации молодежи. Задача заключается в об'единении в этих организациях не только КСМ, но и социалистической, а также национально-революционной, пацифистской и католической молодежи. В этой формулировке создание единства рабочего класса подменяется созданием какого-то конгломерата разношерстных групп, руководимого коммунистами. Иными словами, вопрос о преодолении раскола стоит перед КИМ'ом не как проблема рабочего движения, а как проблема русской внешней политики, заинтересованной в образовании в иностранных государствах групп, преследующих цели, выгодные советскому правительству. Не нужно быть противником политики «народного фронта» — автор этих строк принадлежит к самым горячим приверженцам этой тактики, — чтобы решительно восстать против подобного подхода к вопросу о преодолении раскола рабочего класса. Те, кто подчиняют проблему ра-

деть командными рычагами экономики!

Вышеуказанные выводы вытекают из анализа динамики капиталистического хозяйства, из изучения действия его внутренних законов.

Они приводят к необходимости овладеть командными рычагами. Таких рычагов имеется четыре: монополии, кредит, таможенная политика и налоговая политика.

Два первых рычага необходимо изъять из рук монополистского и финансового капитала и передать в руки коллективности. Два других уже находятся в руках государства. Чтобы овладеть ими, надо само государство изъять из рук капитала и передать в руки коллективности трудящихся.

Овладение командными рычагами дает таким образом ответ на три сформулированных выше вопроса.

Но к тому же самому заключению ведет и анализ статистики капиталистического хозяйства, изучение его структуры.

В самом деле: анализ этот позволяет констатировать, что основные рычаги — кредит и монополии — легче всего поддаются социализации. Именно тут централизация капитала почти закончена.

Кроме того, монополии охватывают главным образом ключевые или основные отрасли производства. Вытесняя из них монополистский капитал, коллективность получает возможность господства над всем хозяйством, со включением частно-хозяйственного сектора. Она сможет таким образом произвести перераспределение доходов, необходимое для расширения емкости внутреннего рынка.

Владея кредитом, она может реально воздействовать

на распределение национального дохода между фондом потребления и фондом накопления и, следовательно, с успехом противодействовать тенденции к перекapитализации.

Грань между ключевыми и второстепенными отраслями производства позволяет провести демаркационную линию между обоими секторами.

Но, помимо того, именно в ключевых отраслях промышленности и в банковском аппарате, этих обеих, наиболее централизованных областях, наблюдается и наибольшее развитие акционерной формы предприятий. Собственность уже в значительной мере социализована в них*). Остается социализировать лишь фактическое распоряжение ими, вернув коллективности управление, которое сейчас захвачено плутократией.

В частно-хозяйственном секторе вряд ли удастся одним ударом разбить законы капитализма, но действие этих законов будет весьма чувствительно ослаблено. Вопроса о недостаточной возможности сбыта уже не будет, потому что социализированный сектор создаст вне-капиталистическую сферу сбыта, достаточную для того, что еще останется от капитализма.

Кое-кто считает планизм социалистической утопией. Не утопия ли это в самом деле заранее выработать план, предусматривающий структуру и функционирование новой экономики, как она сложится в результате переворотов, переживаемых капитализмом на ходу? Мы решительно отвечаем: нет! Во времена Маркса и Энгельса всякий конструктивный социализм мог быть

*) Карл Маркс называет акционерную форму предприятий «необходимым переходным этапом» в процессе превращения капиталистической собственности в собственность коллективную («Капитал», кн. 2, гл. 27).

бчего единства проблеме создания «народного фронта», в действительности отказываются и от того и от другого. Ибо предпосылкой мощного анти-фашистского блока является воссоздание единой партии пролетариата. И интересы революционной России требуют восстановления единства, как отправного этапа для анти-фашистской борьбы.

Точно также шагом назад по сравнению с последним съездом Коминтерна являются представления, владеющие очевидной умами деятелей КИМ'а, о путях, ведущих к единству. В этих представлениях, как они отражались на конгрессе, слышатся отголоски давно забытого лозунга о «едином фронте снизу»: «...так как руководство социалистических партий всячески препятствует этому объединению, обязанность КИМ'а настойчиво идти к нему, устанавливая единый фронт для совместных выступлений, создавая комитеты единства, а там, где есть реальные предпосылки, и прямо борясь за объединение союзов», читаем мы в «К. Пр» (26-X). Насколько вредна с точки зрения единства подобная стратегия, отдадут себе отчет все, разбирающиеся в европейском рабочем движении. На данной стадии развития вопрос об едином фронте реально-политически есть вопрос об установлении контакта между аппаратом социалистических и аппаратом коммунистических партий. Можно по разному расценивать эти аппараты и по разному к ним относиться. Можно мириться с их существованием в их теперешнем виде и можно стремиться к овладению ими. Но нельзя, не впадая в наивность, стремиться к единству, ориентируясь на так называемые низы и великолепно игнорируя «верхи».

Случайны-ли настроения, получившие отражение на VI-ом конгрессе КИМ'а, или они означают новый зигзаг в коминтерновской политике, сказать трудно. Во

всяком случае, ясно лишь одно: источника зигзагов и противоречий, порождаемых проведением в жизнь нового курса, намеченного в речах Димитрова и других ораторов VII-го конгресса Коминтерна, следует искать в отсутствии гармонии между политикой единого фронта, рекомендуемой для демократических и фашистских стран, и политикой, стабилизирующей раскол, проводящейся в России. Социалистическое движение не может верить в искренность заверений руководителей Коминтерна до тех пор, пока отсутствие свободного рабочего движения в Советской России делает невозможным эмансипацию Коминтерна от влияния русского правительства. Наталкиваясь на недоверие и даже враждебность, Коминтерн и КИМ вместо того, чтобы поставить во весь рост русскую проблему, все снова и снова пытаются обойти возникающие перед ними трудности, так сказать, обманным путем, не подвигающим ни на шаг вперед дело единого фронта.

В подобном развитии роковую роль играет линия поведения, усвоенная наиболее крупными секциями РСИ и СИМ'а. Вместо того, чтобы воспользоваться исключительно благоприятной обстановкой — см., напр., каких больших результатов добилась французская федерация профессиональных союзов — эти секции отклоняют какие бы то ни было переговоры с Коминтерном и КИМ'ом, отказываясь тем самым бросить на чашу весов свое влияние. Поступая подобным образом, они совершают двойную ошибку: с одной стороны, они предоставляют русскую революцию собственной судьбе, а с другой — не принимают мер, чтобы оплодотворить свое собственное движение революционными элементами, охваченными западно-европейским коммунизмом. Долго такое положение вещей вряд-ли может длиться. Статья Бауэра в «Кампф», выдвигающая идею «сепаратных» сношений с Коминтерном тех партий

лишь утопическим. Маркс с полным правом подчеркивал, что «новые и более высокие производственные отношения никогда не вытесняют существующий уклад ранее, чем условия материального существования этих отношений уже созрели в недрах старого общества»^{*)}. Но сейчас новые материальные условия уже рвутся из чрева капиталистического общества. Конструктивный социализм нашей эпохи уже не утопичен, потому что он располагает уже не воображаемыми, а реальными материалами для строительства. Он может, сверх того, опираться на живой опыт русской революции, — на период нэп'а, давший столько положительных данных для изучения, как и на безотрадный и отрицательный опыт вырождающегося большевизма.

Это не значит, конечно, что меры, предусматриваемые планом, представляют собою неизменные заповеди, которые следует соблюдать всегда, вопреки обстоятельствам и здравому смыслу. Задача социалистического строительства так колоссальна, а борьба классов, в своей бесконечной сложности, таит в себе столько элементов непредвидимого, что было бы нелепо заранее строго намечать путь. Рабочему классу не раз придется соображениям политическому разоружению противника подчинять то, что он считает рациональным с экономической точки зрения. Но заслуга плана заключается в том, что он, по крайней мере, намечает ту идеальную линию поведения, от которой надо будет стараться как можно меньше отклоняться. В своей борьбе за освобождение трудящиеся и без того обречены на столько неизбежных ошибок, что стоит постараться довести до минимума хотя бы те ошибки, которых можно избежать.

Не надо также забывать и того, что план является незаменимым орудием мобилизации широких народных масс против капитализма. Указываемые им конструктивные задачи представляют собою не что иное, как требования, отражающие собою жалобы и пожелания всех трудящихся классов упадочного капиталистического общества. Тем самым план становится и платформой собирания трудящихся всех категорий во имя решительной борьбы.

Но здесь встает вопрос о демократии и диктатуре, насилии и легальности. Инициаторов бельгийского плана упрекают, например, за то, что они хотят осуществить свой план легальными средствами. По нашему мнению, упрек этот основан на недоразумении, которое следует рассеять. На правой и на левой рабочей движения одинаково легальность и насилие считаются понятиями противоположными и несовместимыми: правая высказывается за легальность и против насилия, левая — за насилие и против легальности. В действительности, не существует легальности, которая не основывалась бы на насилии. Желать осуществить план средствами легальными значит просто верить в возможность создать в широких народных массах такое неодолимое течение, такую единодушную и непоколебимую волю, что давление их политически и стратегически обезоружит привилегированные классы и лишит их всяких средств материальной самозащиты. История знает не один случай такой диспропорции сил между революционной массой и кучкой привилегированных, что революция торжествовала почти без удара. Что нужно прежде всего, это — собрать вокруг себя громадное большинство трудящихся. От этого зависит способность буржуазии к сопротивлению (а решающее значение имеет именно способность, а не воля к со-

*) Предисловие к «Критике политической экономии».

РСИ, которые стоят за единство, показывает, в каком направлении грозит развиваться тактика с.-д. партий, неудовлетворенных топтанием на месте. Будем надеяться, что реалистическим элементам обоих интернационалов удастся сдвинуть с мертвой точки дело осуществления единства рабочего класса.

Б. Сапир.

Культура и Жизнь

ДЕЛА ПОЭТИЧЕСКИЕ.

Ту дискуссию, которая ведется вот уже полгода о задачах советской поэзии — теме, которая будет стоять в центре внимания предстоящего пленума союза советских писателей, — нельзя еще назвать беседой людей, пытающихся мужественно и до конца разобраться в наиболее важных вопросах современности. Это скорее разговор «с прищуром»: участники его отлично знают то, что они недоговаривают.

Речь идет все о том же — о злополучном «отталкивании от жизни» советской литературы и о его причинах, т. е. о «генеральной теме» советской критики за все годы революции. На каждом этапе развития эта тема обрастает новыми деталями, свойственными переживаемому моменту. Вдумываясь в смысл этой дискуссии, видишь вдруг картину Марка Шагала «Часы»: на переднем плане монументальные часы, а где-то сбоку прилеплен бедный квадратик окна, из которого виднеется кусок зимнего вечера с уличным фонарем во всей неповторимости углубленной в себя тишины угнетенности. Зритель смотрит не на часы, а в этот тусклый квадратик окна...

противлению). И если она к сопротивлению неспособна, то скрытому насилию масс почти не будет надобности превращаться в насилие активное, чтобы смести все препятствия и помешать капитализму упразднить демократию.

Не имея возможности основательно проанализировать в рамках этой статьи проблему демократии и диктатуры, мы вынуждены ограничиться несколькими общими замечаниями. Коллективная собственность, к которой мы стремимся, без демократии немыслима. Ибо коллективная собственность является действительно коллективной лишь постольку, поскольку коллективность может свободно распоряжаться ею и поручать управление ею людям, которых она считает пригодными для того. Кто возразил бы против этого утверждения (являющегося самоочевидной истиной), что широкие массы еще недостаточно созрели для плодотворного пользования такою свободой, и что поэтому они еще нуждаются в опекунах-диктаторах, тот тем самым признал бы, что социализм еще невозможен. Несомненно: интегральный социализм, который может базироваться лишь на интегральной централизации экономики и интегральной зрелости масс, еще не осуществим. Но точно так же несомненно, что коллективность трудящихся наделяет бесконечно меньше ошибок, чем самый благонамеренный автократ, и что она сумеет, по крайней мере, извлечь спасительные уроки из наделанных ею самой ошибок. Это не исключает, очевидно, надобности в руководящей, самими массами выдвигаемой, элите, рекрутируемой в недрах масс и обновляемой свободною игрою демократических учреждений. Но всякое покушение на свободу масс ведет, в конце концов, к коррупции самой элиты, к превращению ее в инородное тело, мало-по-малу противопоставляющее

Самым «узким местом» современной литературы об-явлен участок поэзии. Это, конечно, нервирует поэтов. Они чувствуют себя так же, как руководители предприятия, находящегося «в прорыве», и доводы их немножко смахивают на доводы этих руководителей: «почему говорят только о нас, а не об отставании драматургии, критики? Ведь все отстают!» Верно. Но дело сейчас обострилось не потому, что поэты отстают от современности, это было бы с пол-беды, если идешь в том же направлении, в котором идет современность. Именно в этом нет уверенности. И сами писатели, и критики смутно ощущают, что они перестали улавливать направление, перестали воспринимать какие-то существенные черты своей современности, потеряли «меридиан своей эпохи».

Это звучит почти невероятно, и тем не менее это так: советские писатели сейчас нередко чувствуют себя легче за границей, в Европе, чем у себя «дома». В Европе их часто встречают восторженно, как посланцев страны революции. Это передается писателям, у них поднимается настроение, они щедрсы излучают в притихшие залы свет своей большой звезды — революции. Это очень большое, очень радостное сознание, оно становится еще полнее от того, что писатели действительно законные дети этой революции. Но свет всех звезд, доходящий до обитателей нашей планеты, это ведь свет, которым они горели «в ч е р а». О том, какой свет излучает даже самая яркая звезда «сегодня», — об этом на земле узнается всегда позже. Вот почему «дома» писателям и поэтам гораздо сложнее, чем за границей, дома ждут их вечные «неприятности»: домохозяев общими рассуждениями ублаготворить нельзя.

Острее других все эти вопросы поставил на совещании, недавно устроенном редакцией «Литературной га-

себя коллективности, и к иссяканию источников ее обновления, так как, лишь только отбор этой элиты начинает делаться сверху, тотчас же настает открываются двери всяческому фаворитизму и угодничеству, и элита превращается в клику.

В заключение мы хотели бы ответить несколькими словами на вопрос, который не преминут поставить социалисты стран диктатуры. Имеет ли планизм силу лишь для демократических стран, или ему присуще более общее значение? Может ли он служить для ориентации и тех социалистов, которые борются в условиях, коренным образом отличающихся от условий Западной Европы? Нам кажется — да. Нам кажется более, чем вероятным, что крушение фашистских диктатур не приведет немедленно к власти правительства, решительно ориентирующиеся на осуществление социализма, и что за их крушением наступит более или менее длительный период, в течение которого, как это бывало при низвержении авторитарных режимов и в прошлом, будут расцветать иллюзии чистого демократизма, и большинство населения, довольное освобождением от фашизма, склонно будет не замечать, что основным его врагом является капитализм, что именно капитализм является отцом низвергнутой фашистской диктатуры. В этот период задача будет заключаться в сплочении масс для необходимой атаки на самый капитализм, и в этом случае и тут план социализации станет орудием собирания масс во имя преодоления этого последнего этапа. Для стран, стонущих ныне под игом фашизма, план должен быть мотором, который не даст новым назревающим революциям остановиться на полпути, как остановились незадачливые революции 1918 года.

Люсьен Лора.

зеты», критик Ю. Юзовский. На основных линиях его большой, взволнованной речи стоит остановиться.

Эпоха революции характеризуется страшной быстротой в смысле «ведущей тематики, обусловленной резкостью смен различных периодов революционного развития — военный коммунизм, нэп, первая пятилетка, вторая пятилетка. Содержание каждого из этих периодов «при нормальном развитии» длилось бы «30-50 лет, и, стало быть, носители этих идей — писатели, художники, мыслители — оставались бы «властителями и дум» почти пожизненно. На гребне каждого пятилетия революции приходили новые писатели, которые брали «слово», а сейчас новых нет. Вместо них внутри писательской общественности организовались «кадры маститых», которые не хотят понять, что они «в прошлом». Они продолжают писать, издательства их балуют за неимением других, критика хвалит. Внешне все обстоит благополучно: писатели как будто выполняют свою «общественную функцию» — воспитывают в читателе «художественный вкус», приобщают его «к культуре». Кадры «маститых» поэтов (Безыменский, Уткин, Светлов, Сельвинский и другие) укрепляются в сознании своей общественной полезности, становятся «благополучниками» и не замечают того, что они теряют читателя, который страстно ждет от них не просто интересных произведений, не просто удовлетворения своих «культурных потребностей», а бесконечно большего — читатель ждет от писателя ответов на вопрос, как ему жить, что думать о себе. Этот читатель хочет иметь не просто талантливых писателей, талантливых драматургов, талантливых актеров (такие, конечно, имеются!), он хочет иметь «властителей дум». Они были раньше. Такими «властителями» были Лермонтов, Некрасов, Мочалов, Комиссаржевская. Юзовский признается, что такого писателя, которого он искал бы не потому, что он талантливо пишет, а потому, что он, Юзовский, без него не может жить, — такого писателя нет в современной литературе, он, Юзовский, увы, «может жить» без современных писателей. А наши «благополучники» напоминают Юзовскому тех «зрелых матрон», которые «имитируют свои девичьи повадки»: основное содержание советской современной поэзии (только ли поэзии? — В. А.) «это как бы воспоминание о самом себе».

Само собой понятно, что такая речь задела за живое, расшевелила самых «маститых». Это особенно сказало у поэта Сельвинского. Он пытался защищаться тем, что он вовсе не теряет читателя, что, в сущности, он живет «читательскими письмами» к нему, которые убеждают его, что он идет в ногу со временем (На что, между прочим, Юзовский с места возразил, что, по его наблюдениям во многих библиотеках, массового читателя у Сельвинского нет). Важно, однако, то, что Сельвинский все же согласился с основным: писателя, который умел бы показать читателю современность так, чтобы читатель при этом почувствовал то же, что чувствуешь нажимая «на больной зуб: больно и сладко», — такого писателя сейчас действительно нет.

Интересно было и выступление поэта И. Уткина, тоже остро затронувшего некоторые большие вопросы писательской общественности. Основной бедой в жизни этой писательской общественности, по мнению Уткина, является то, что «мысль у нас абсолютизируется, бюрократизируется... Все эти «ведущие», «отстающие» и «мировые» формулировки не есть продукт серьезного анализа литературной действительности, а являются чем-то вроде поплавок, помогающих многим посредственным литераторам болтаться на по-

верхности литературной жизни». На призыв Юзовского к писателям — найти в себе смелость «отшвырнуть маститость», «жестоко обревизовать свое прошлое», не бояться в своей жизни Толстовского «Астапова» — Уткин ответил встречным иском: до сих пор советская критика не выдвинула ни одного критика, который умел бы «бороться» за поэта, отвечающего его творческому мировоззрению: «Иногда можно и пострадать за любимого поэта. А вот уж это-то наши критики меньше всего предполагают».

Для читателя «С. В.» проблемы, затронутые в дискуссии, не новы, не новы и те язвы, от которых страдает эта писательская общественность (см. «Барабанщики молодой страны», «С. В.», 1934 г., № 13, «С'езд писателей», 1934 г., № 17). Ново только то, что об этом заговорили, наконец, открыто, сами писатели, но во то, что некоторые из критиков почувствовали, что в стране действительно происходят «какие-то сдвиги» (Мирский), о которых нельзя писать в стиле барона Брамбуса: «Как летни настали прекрасны деньки, в лесу выростали молодые грибки», — ибо «грибки» то эти не съедобны.

Для советского читателя-массовика, не воспитанного критикой в понимании сложных взаимоотношений между идеологической «надстройкой» и общественным «базисом», многое в этой знаменательной дискуссии пропадет даром. Ведь в основном она ведется в рамках будто бы осуществляемого «бесклассового общества». Между тем, содержание дискуссии на каждом шагу, в каждой обмолвке страстно, порой иступленно, опровергает эту казенную теорию. Чтобы это понять, надо только вслушаться хотя бы в спор о том, какой должна быть советская поэзия — «поэзией чувства» или «поэзией мысли», иными словами: чему отдать предпочтение — свободному творчеству или творчеству, связанному «директивой»? Доклад Бухарина на 1-ом с'езде писателей окрылил «поэтов чувства», «стихийников»: да здравствует свободная поэзия! Но «свободная поэзия» под прессом диктатуры, «свободная поэзия» без свободы «мысли» неизбежно становится руслом, в которое просачиваются «мысли», враждебные не только диктатуре, но и всей революционной современности. Для этой поэзии, как вериз, хотя и по-молчалински, определил поэт Н. Броун, было характерно вовсе «не отсутствие мысли, а как раз наличие мысли, но мысли враждебной». Молодые писательские группировки в Ленинграде, Свердловске, в Сибири и Ростове на-Дону были раскиссированы весной этого года. Дебю, учиненный крестьянским поэтом П. Васильевым в квартире «безусого энтузиаста» Алтаузена, был использован для того, чтобы прикрутить «поэзию чувства».

Но и «поэзия мысли» имеет свои неудобства. Поэзия, исполняющая «социальный заказ», совершенно неизбежно приводит к образованию внутри писательской общественности «маститых кадров». Они уже окрепли, как отметил Юзовский, и сами покрикивают на советских критиков: «Не смеяй. Буду жаловаться. У меня заслуги». Тематика «маститых» сводится к сентиментальной декламации о «наших достижениях», взятых в рамках темы «я и революция». Это «Я» начинает все больше выпирать и в сознании поэтов и в их произведениях.

При всей своей недоговоренности дискуссия о поэзии имеет большое общественное значение. Она дает почувствовать, как пронизана современность политическим электричеством: самые, казалось бы, отвлеченные поэтические неполадки, писательские неудачи упираются в большие и жгучие общие вопросы современной действительности.

В. Александрова.

Класс против класса!

(Выборы в Англии).

Историческое восхождение Рабочей Партии к власти, прерванное политическим «обвалом» 1931 г., продолжается. Таков основной итог парламентских выборов 14 ноября.

Многие социалисты в самой Англии и за ее пределами испытывают разочарование. Они ожидали полной победы Рабочей Партии и прихода ее к власти. Результаты частичных выборов, свидетельствовавшие об «изношенности» правительственной коалиции консерваторов с двумя политическими нулями — национал-либералами и национал-лейбористами, — оправдывали эти ожидания. Но за последние полгода политико-психологическая атмосфера в Англии, в связи с юбилейными торжествами, принявшими народный характер, и особенно в связи с итало-абиссинским конфликтом резко переменилась.

Угроза европейской войны и крутой поворот «национального» правительства лицом к Женеве бросили в его объятия пацифистски и вместе национально настроенные массы. Вопросы внутренней политики, в которых правительство обнаружило свою неспособность и нежелание идти на радикальные меры для преодоления хозяйственного кризиса, отступили на задний план перед вопросами внешней политики, по которым на время создалось практическое единодушие. Глава правительства, лидер консервативной партии Болдвин, решил использовать благоприятную ситуацию для досрочной апелляции к стране. Если в 1931 г. консерваторы сорвали банк на внутри-политической панике (крушение валюты), то теперь они попытались выехать на внешне-политической панике, объединившей страну в страхе перед европейской войной.

Успех избирательных маневров консервативной партии объясняется в немалой мере изменением обстановки и форм политической борьбы в Англии. В отличие от ряда континентальных демократий политическая жизнь Англии отличается более значительной и даже решающей ролью партий в системе парламентаризма, но и меньшей связанностью широких избирательных масс с партиями. Кризис английской демократии состоит, между прочим, и в том, что традиционные партии не успевают политически освоить, оформить, воспитать новые кадры избирателей, скачкообразно выросшие после войны. Распространение в 1918 г. избирательного права на армию и на женщин старше 30 лет, создало 13 милл. новых избирателей, а распространение в 1928 году избирательного права и на женщин от 21 до 30 лет прибавило еще новых 5 милл. Общее число избирателей в 1928 г. достигло 28,5 милл. (два избирателя на 5 жителей, в 1884 г. 1 на 7 и в 1865 г. 1 на 12 жителей). Избирательный корпус на выборах 14 ноября составлял уже свыше 31 милл. человек — вдвое больше, чем перед войной. Политическое воспитание этих новых масс избирателей требует много труда и времени, между тем как демагогическая «обработка» их для нужд избирательной кампании путем применения современной техники массового внушения (бульварная пресса, кинематограф, радио, авиация и т. п.) требует только бессовестности и щедрого расходования средств, — двух данных, которыми в избытке располагают партии имущих классов.

Тем поразительнее избирательные успехи Рабочей Партии на последних выборах, особенно, если иметь в виду не столько рост числа отвоеванных депутатских мест, сколько рост числа поданных за партию голосов.

Перестраиваться Рабочей Партии пришлось буквально под огнем в обстановке оглушительного поражения 1931 г., измены вождей — Макдональда, Сноудена и Томаса, — разгрома сильнейших социалистических партий на континенте (германской и австрийской), упадка активности рабочих масс под влиянием кризиса и безработицы. Отброшенная от власти и в значительной мере от парламентской арены, Рабочая Партия ушла в себя, целиком повернулась к рабочему классу, стала готовиться не только к завоеванию, но и к планомерному осуществлению власти в духе своей программы. Беспощадная критика «национального правительства» сопровождалась разработкой детальных и практических планов преодоления кризиса путем реорганизации народного хозяйства.

В избирательную кампанию Рабочая Партия, после смотра на конгрессе в Брайтоне, вступила признанным вождем оппозиции. Связь Рабочей Партии с трэд-юнионистами и кооперацией окрепла. Впервые кооперативные организации, насчитывающие свыше 7 милл. членов, открыто примкнули на выборах к Рабочей Партии. Это триединство Рабочей Партии, трэд-юнионов и кооперации, т. е. всех основных форм рабочего движения, необычайно усилило притягательную силу лэйборизма не только в городе, но и в деревне. Как ни ничтожна численно английская компартия, но продиктованная поумневшим Кремлем перемена тактики — отказ от клеветнических нападок на «социалфашизм» Рабочей Партии, выставление собственных кандидатов лишь в двух округах и призыв в остальных голосовать за кандидата Рабочей Партии, — несомненно облегчила Рабочей Партии выполнение трудной и ответственной задачи, как партии претендующей на власть, партии класса, воплощающего и представляющего прогрессивные интересы всего общества, ищущего выхода из тупика кризиса и военной опасности.

На другом полюсе английской общественности, под флагом «национальной коалиции», совершалась и завершалась концентрация капиталистической буржуазии вокруг консервативной партии. Класс против класса! Напрасно консерваторы, прикрывшиеся ширмой национальной коалиции, тшились изобразить переход Рабочей Партии, поддержанной трэд-юнионами и кооперацией, в наступление, как своекорыстную борьбу класса против нации. На деле классовые интересы и требования пролетариата, составляющего большинство английского народа, лучше всего выражают подлинные интересы нации, тогда как под «национальной» оболочкой правительственного блока скрывается классовая политика буржуазии, лишь слобренная для уловления трудящихся масс социальной демагогией и скудными реформами. То обстоятельство, что бывший строитель и лидер Рабочей Партии, Макдональд, взялся поддерживать фикцию «национальной» и «надклассовой» политики консервативного правительства сначала на первых, а потом на вторых ролях, объясняет особую ненависть к нему рабочего класса и оглушительный провал его кандидатуры в родном округе Сихеме.

Класс против класса! Выборы 1 ноября были крупным этапом на пути классовой борьбы, несмотря на все старания правительственного блока придать им характер национального единения перед лицом внешних опасностей. Это неудивительно. Уже самое появление Рабочей Партии на политической арене, даже до того еще, как она открыто стала под знамя социализма, имело принципиальное, и в силу особого положения Британской Империи, всемирно-историческое значение. Английский парламентаризм искони

строился на системе двух партий, то представлявших два класса — земельную аристократию и юную буржуазию, то разные фракции «созревшей» для нераздельного господства буржуазии. Теперь, на склоне буржуазной эры, появилась «третья сила», классово-отличная от традиционных двух партий, оспаривавших друг у друга власть и сменявших друг друга у кормила правления мировой империи. Одна из этих двух партий должна была в конце концов исчезнуть, чтобы стало возможным в условиях английского парламентаризма, основанного на двухпартийности, противопоставить единой партии пролетариата единую партию имущих классов.

Формой и вместе орудием этого процесса приспособления партийных группировок к новому соотношению классовых сил и к условиям традиционного парламентаризма и явилось образование «национального правительства». Национальная коалиция одновременно преследовала две цели — поглощение раздробленной либеральной партии и разгром «навечно» Рабочей Партии. На выборах 1931 года цель эта казалась почти достигнутой — но с явной опасностью для самого существования современной политической системы. Ибо имманентная тенденция «национального блока» и «национального правительства» при подавляющем превосходстве одной из блокирующихся партий ведет к установлению однопартийной системы, упраздняющей на практике парламентскую демократию, основанную на смене партий у власти. Вот почему не подражательный фашизм ренегата Мослея, а эта попытка растворения партий в «национальной» правительственной сверхпартии сделалась главной опасностью для английской демократии. И если эта политика не доведена до логического конца, то главным образом, в силу двух обстоятельств: упорного сопротивления Рабочей Партии, с одной стороны, и вынужденной оглядки консерваторов не только на парламентарно-демократические традиции английского народа, но и на политические «предрассудки» демократических доминионов. «Цветными» колониями и протекторатами можно управлять, и превратившись практически в диктатуру, но свободные «белые» доминионы едва ли потерпели бы «диктаторизацию» метрополии, открывающей к тому же путь опасному для них внешне-политическому авантюризму.

Вот почему относительный успех Рабочей Партии на последних выборах, превращающий ее в сильную оппозицию, способную на следующих выборах стать большинством, всеми рассматривается как спасение английской демократии. Английский парламентаризм в результате выборов 14 ноября возвращается к двухпартийной системе, но с тем отличием от прошлого, что роль «второй партии» отныне будет окончательно играть не одна из двух партий буржуазии, а Рабочая Партия. В этом исторический смысл последних выборов.

Как близка была Англия к однопартийной системе, т. е. к одновременному разгрому либерализма и социализма, показывает состав прежнего парламента, вышедшего из «панических» выборов 1931 г. Под конец правительственный «национальный» блок имел в парламенте 513 мест, а оппозиция всего 102 места. Правительственный блок состоял из 459 консерваторов, 38 национальных либералов, 13 национальных лейбористов и т. п., а оппозиция из 59 лейбористов, 30 либералов, 4 членов группы Ллойд-Джорджа и т. д.

Правда, соотношение сил в старом парламенте, в виду особенностей английского избирательного права, не находилось ни в каком соотношении с числом голо-

сов, поданных за правительственный блок и за оппозицию. Такое же несоответствие, хоть и несколько смягченное, мы имеем и сейчас. На выборах 14 ноября Рабочая Партия получила 8.250.000 голосов, Независимая Рабочая Партия (вернее остатки этой партии, отколовшейся от Рабочей Партии) 139.000, компартия 27.000 (в двух округах), а всего 8.546.000 голосов, т. е. на 1.782.000 больше, чем в 1931 г. и почти на 80 тысяч больше, чем в 1929 г., когда Рабочая Партия одержала победу. Консерваторы собрали на этот раз 10.365.000 голосов, т. е. потеряли 1.559.000 по сравнению с 1931 годом. Все партии национального блока получили вместе 11.717.892 голоса, а все оппозиционные партии 10.139.088 голосов. Но в то время, как правительственные партии получили 424 места (консерваторы — 382, нац.-либералы — 31, нац.-лейбористы — 8 и независимые националисты — 3), оппозиционные партии получили всего 184 места (154 социалиста, 17 либералов, 4 группы Ллойд-Джорджа, 1 коммунист, 4 независимых). На одного консервативного депутата приходится, таким образом, 27 тыс. голосов, на одного лейбористского депутата — 55 тыс., т. е. вдвое больше. Рабочая Партия получила 40% всех голосов и утроила число своих депутатов.

Выборы 14 ноября были похоронами английского либерализма: число поданных за либералов голосов упало с 5.220.000 в 1929 г. до 1.345.429 в 1935 г. Либеральная партия раскололась на три группы, из коих одна, так назыв. национальные либералы, практически ничем не отличается от консерваторов. Попытка неугомонного Ллойд-Джорджа, кстати сказать больше всех посядевшего разгрому своей партии, спасти либерализм при помощи лоскутного «плана», составленного из отрывков чужих программ, успеха не имела. Косвенным последствием распада и разгрома либеральной партии будет невозможность для нее, в случае победы Рабочей Партии на следующих выборах, занять, по примеру 1924 и 1929 гг., «ключевую позицию» и держать на короткой привязи рабочее правительство.

Рабочая Партия выходит из избирательной борьбы, которая велась в условиях, максимально благоприятствовавших правительственному блоку, с честью. Несмотря на сильный абсентеизм избирателей, Рабочей Партии удалось увеличить число поданных за нее голосов и утроить число мандатов. Обезглавленная в 1931 году изменой одних вождей и забаллотированием других, она возвращается в парламент, окрепшей не только численно, но и качественно. Почти все ее крупные деятели, во главе с кандидатом в рабочие премьеры, Моррисоном, избраны. Сокрушительная победа кандидата Рабочей Партии Шинвеля над Макдональдом (38.380 голосов против 17.882) символически подчеркнула верность основной массы рабочего класса знамени социализма. К сожалению, не малая часть трудящихся классов попадает еще в тенета консерваторов.

Исход английских выборов будет иметь огромное внутреннее и международное значение. Рабочий класс переходит в наступление. Начавшееся, хоть и неровное и непрочное оживление народного хозяйства в связи с переломом мировой конъюнктуры возвращает пролетариату утраченную боеспособность. Не случайно, почти одновременно с парламентскими выборами проводился союзом углекопов референдум об общей стачке горняков. Выборы 14 ноября вновь поставили Рабочую Партию на аванпостную позицию в борьбе за большинство и за власть. Воля к власти, которой так недоставало германской социалдемократии, с новой силой овладевает Рабочей Партией, еще больше прежнего утвердившейся на позициях демократического социализма. Это укрепление Рабочей Партии, ее переход в наступ-

НОВАЯ БРОШЮРА

Marceau PIVERT RÉVOLUTION D'ABORD!

К дискуссии об отношении к войне

Издание «Nouveau Prométhée», цена фр. 2,50. Заказы через контору «Соц. Вестника».

ление окажет огромное влияние на политическое самочувствие рабочего класса и через это на судьбы демократии далеко за пределами Англии и всей Британской Империи. Но и Социалистический Интернационал, ослабленный и дезориентированный победой фашизма в центральной Европе почувствует на себе живительное влияние успехов Рабочей Партии.

Для внутреннего развития Англии результаты выборов 14 ноября будут иметь огромное значение. Пошатнувшийся было фундамент английской демократии вновь окрепнет. Национальное правительство, весь актив которого за долгие четыре года заключается в том, что оно по кусочкам половинчато и непоследовательно осуществляло требования лейбористской платформы, вынуждено будет или более решительно идти вперед, или окончательно разоблачить себя превращением парламента, по слову Маркса, в «трэд-юнион капиталистов», а себя в приказчика буржуазии. Поскольку политическая «гибкость национального правительства», которое Болдвин хочет в принципе сохранить, как удобную ширму, имеет границей, ее же не преидеши, рамки капиталистического строя, лейбористская программа борьбы с кризисом и плановой организации ведущих отраслей народного хозяйства будет привлекать к себе все большее сочувствие и тем подготавливать завоевание на будущих выборах, вернее всего досрочных, прочного большинства и социалистического мандата от страны.

Но наиболее непосредственным образом результаты выборов 14 ноября скажутся на арене внешней политики. В связи с нынешней стадией итало-абиссинского конфликта водораздел между внешней политикой консерваторов и лейбористов как-будто сглажен. Но действительность скоро покажет, что не только истоки, но и цели внешней политики обеих партий расходятся. Ошибки консерваторов в недавнем прошлом могут повториться в ближайшем будущем. Уже множатся признаки того, что «национальное» правительство, соответственно исправленное и дополненное, (Черчилль!), постарается истолковать полученный им от страны «мандат» в смысле «подкрепления политики ковенанта политикой усиленных вооружений», групповых сговоров, активного «присутствия» на всех пландармах, где сталкиваются интересы мировых империалистических держав.

Во всяком случае, внешняя политика нового правительства отныне будет находиться под более бдительным контролем и под более сильным давлением рабочей оппозиции, которая смело ставит все вопросы, связанные с активной и последовательной политикой мира: проблему перераспределения источников сырья и рынков сбыта, проблему изменения статута колоний и мандатов в интересах туземного населения, проблему иммиграции избыточного населения, проблему разоружения, проблему дальнейшего развития ковенанта, как системы коллективной безопасности и т. п. Тем самым и внешняя политика РСИ получает новую, более прочную опору, как более широкую и прочную опору получает и борьба международного пролетариата за сохранение и отвоение демократии, этой необходимой предпосылки борьбы за социализм и его торжество.

П. Гарви.

ЗАГРАНИЦЕЙ

17-ЛЕТИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЛАТВИИ.

18-го ноября исполнилось 17 лет со дня провозглашения самостоятельного государственного существования Латвии. Латвийская республика родилась в годы крупных исторических сдвигов, на развалинах мировой войны и в бурях революций. Еще в 1918 году, в год ее основания, и в последующий год латвийскому народу пришлось вести кровавую борьбу за независимость. Сопrotивление немецких баронов, руководимое авантюристом Аваловым-Бермондтом и фон дер Гольцом, было сломлено к концу 1919 года, и тем самым были опрокинуты и замаскированные колонизационные планы германских империалистов. Радикальная аграрная реформа уничтожила хозяйственную мощь крупного немецкого землевладения. Рабочий класс завоевал себе ряд социальных и политических прав. В борьбе за самостоятельность латвийское государство, которая велась под руководством социалдемократической партии, решающей была, разумеется, роль рабочих и трудовых крестьян. Под давлением радикализированных масс, латвийская буржуазия, в прошлом всегда игравшая предательскую роль и стремившаяся к сговору с немецкими баронами и русскими властями, была вынуждена выполнять требования социалдемократии.

В ходе дальнейшего развития буржуазной демократии буржуазии удалось усилить свое влияние на государственный аппарат. Она начала систематически умалять завоеванные рабочими права. Созданный аграрной реформой слой среднего крестьянства, хотя и обязанный своим возникновением рабочему классу, в дальнейшем все больше подпадал под руководство реакционной буржуазии; рабочий класс потерял своего бывшего союзника и уже не был в состоянии отстаивать завоеванные позиции.

Но грубо-своекорыстная классовая политика крупной буржуазии породила недовольство в средних слоях и обострила противоречия в буржуазном лагере. Социалдемократия с успехом использовала эти антагонизмы. В конце 1933 года состоялось по ее инициативе народное голосование о введении страхования всех трудящихся на случай безработицы, старости и инвалидности. За проект высказалось около 50% избирателей. Парламент вынужден был принять закон. Но буржуазия оказывала сильнейшее противодействие его практическому применению, так как потребные средства должны были идти за счет имущих, в частности — за счет сокращения крупных субсидий.

К началу 1934 года положение буржуазии было чрезвычайно критическим. Сломить растущее влияние социалдемократии и побороть противоречия в собственном лагере демократическими средствами оказывалось уже невозможно. Попытка изменить конституцию легальным путем сорвалась. А победа фашизма в Германии подбодрила и латвийскую буржуазия к путшу 15 мая 1934 года. Этот переворот отнял у латвийского народа плоды его самоотверженной борьбы за свободу. За полтора года диктатуры Ульманиса были уничтожены демократические свободы. Современное положение напоминает самодержавный режим времен царизма. Сотни борцов за независимость латвийского государства томятся сейчас в тюрьмах. Над тысячами нависла угроза фашистского террора. Еще совсем недавно был арестован старый борец за латвийскую свободу, т. Дрейфельд, — за то только, что он произнес речь на могиле скончавшегося товарища. Вождь рабочего спортивного союза, Бруно Калнин, организованный в 1918 году первые полки латвийской армии, осужден судами диктатуры на 3 года заключения и сейчас еще сидит в тюрьме.

Этих немногих фактов достаточно, чтобы характеризовать Ульманисовский режим. Политические формы угнетения народа таковы-же, как и в других фашистских государствах. Пока организованы три «корпорации» (торгово-промышленная, сельско-хозяйственная и ремесленная), и они-то должны, с Ульманисом во главе, играть роль устоев государства.

Особо следует отметить, что торжественно празднуемая ныне независимость Латвии снова поставлена под угрозу внешней политикой Ульманисовской диктатуры. Влияние германского капитала на латвийское хозяйство все усиливается и приводит уже и к политической зависимости Латвии от гитлеровской Германии. Это влияние Германия старается усилить ловкой торговой политикой, особенно — повышением контингента ввоза латвийского масла. Эта внешне-политическая зависимость уже дала себя знать и в Мемельском вопросе, и в отношении Латвии к восточному пакту. Из оплеса подвергнуться таким-же торгово-политическим репрессиям со стороны Германии, как Литва, Латвия уже оспорила

свое обязательство поддерживать Литву в Мемельском конфликте, хотя союз Прибалтийских государств остается в силе.

Духовное сродство с фашизмом других стран ярко сказалось во время торжества 28 октября, в годовщину «похода на Рим». В торжествах этих, устроенных итальянским посольством в Риге, принимали участие многие представители латвийских властей. В своих речах представители латвийского правительства восхваляли Муссолини, как героя, спасшего все человечество от анархии. Поход на Абиссинию изображался, как борьба за цивилизацию. Представитель латвийского министерства народного просвещения, Вирса, заявил, что в лице Муссолини восстал новый Цезарь. В заключительные торжества Муссолини была послана приветственная телеграмма. Это скандальное выражение симпатий Муссолини как раз тогда, когда весь цивилизованный мир с негодованием клеймит его абиссинский поход, вызвало и в Латвии всеобщее возмущение.

Латвийский народ, в течение столетий на самом себе испытывавший, что значит господство чужеземцев, разумеется, ничего общего не имеет с кучкой господствующей буржуазии, не пользующейся симпатией в своей собственной стране и потому вынужденной искать опоры у фашистских диктаторов в других странах. В полной мере оправдывается теперь не раз высказанное с.-д.-ией убеждение, что сохранить свою независимость Латвия может, лишь как демокр. республика. Но латвийский народ не сказал еще своего последнего слова. Воспоминание о завоеванной 17 лет тому назад национальной независимости будет будить в нем волю к борьбе за восстановление утраченных прав и свобод.

А. И.

К международной дискуссии о войне

ВОЙНА И ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Сейчас, когда нависшая над миром опасность войны реализовалась уже в абиссинско-итальянском столкновении, когда этот конфликт грозит развязать новую мировую катастрофу, международному пролетариату более чем когда-либо необходимо с максимальной отчетливостью определить свое отношение к войне, наметить линию поведения, которая предохранит бы его от роковых ошибок 1914 года.

Чрезвычайно своевременными являются поэтому тезисы **Бауэра-Дана-Жиромского-Дюнуа**, ставящие эту проблему перед международным социалистическим мнением.

В 1914 г. рабочий класс должен был, с точки зрения революционного социализма, определять свое отношение к войне независимо от того, какую из воюющих группировок он имел перед собой, так как по обе стороны фронтов находились коалиции капиталистических держав. Перед пролетариатом всех стран должна была стоять одна и та же задача революционной борьбы против войны для низвержения капитализма и осуществления социализма. В настоящее же время, по мнению авторов тезисов, новые возникшие на мировой арене явления — германский фашизм, с одной стороны, Советская Россия, с другой — должны внести существенные изменения в тактику пролетариата.

Проблема Советской России стоит в центре всего построения тезисов. Существование и сохранение Советской России признается фактором огромного значения для судеб мирового пролетариата. В случае войны необходимо обеспечение победы Советской России, так как «эта победа потрясла бы весь мировой капитализм и существенно бы облегчила победу мирового социализма». Под этим углом зрения должен намечать интернациональный социализм свою тактику во время войны. Рабочий класс СССР должен «со всей силой и энтузиазмом» защищать страну от нападения. Тезисы последовательно требуют и от оппозиционных партий внутри Советской России при всех условиях — независимо от того, ведет ли СССР войну самостоятельно или в союзе с капиталистическими державами — полной и безоговорочной поддержки революционной обороны страны.

Я могу только всячески приветствовать это основное положение тезисов (**скрепленных подписью тов. Дана**), которое я давно и систематически внутри нашей партии защищаю и которое неразрывно связано с определенным пониманием характера советского строя, с определенной политической концепцией. Диктуемое тезисами отношение к Советской России требует признания того, что **в настоящее время** в Советской России, несмотря на борьбу различных тенденций вну-

«ДРУЗЬЯ ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ».

При деятельном участии наших французских товарищей (Жардель, Лонгэ, Мутэ и др.) образовалось в Париже беспартийное общество «Друзья иностранных рабочих», французский комитет для урегулирования положения и защиты рабочих-иммигрантов, генеральным секретарем которого состоит т. Маделэн Паз.

Новая организация ставит себе задачей «борьбу за урегулирование правового положения рабочих-иммигрантов и политических беженцев, которое избавило бы их от административного произвола; организацию юридической защиты в наиболее типичных случаях такого произвола; возможно более широкое осведомление общественности об их вопиющих нуждах».

Для этой цели общество предполагает развить по всей стране широкую пропагандистскую и разъяснительную работу и, в частности, показать, что нет противоречия между интересами французских рабочих и иммигрантов, и что не на последних падает вина за ту экономическую неурядицу, от которой страдает страна; организовать все формы солидарной помощи — социальной, медицинской, юридической, и делать все для моральной и материальной поддержки рабочих-иммигрантов; бороться против всяких проектов, законов, декретов и министерских распоряжений, противоречащих требованиям справедливости; воздействовать на парламентариев, министров и административные учреждения, добиваясь юридического регулирования положения иммигрантов и административной практики в духе гуманности.

Членами общества могут быть все, разделяющие его цели. Годовой членский взнос — 5 франков.

Общество помещается: 28, рю Орфила (Париж 20). Прием по вторникам от 2 до 4 часов.

три страны, **решающей и политически определяющей** является не тенденция термидорианского перерождения и укрепления буржуазных начал, а, наоборот, **тенденция роста социалистических элементов** *).

Только исходя из положения, что Советская Россия — страна строящегося социализма, что по своей социальной природе она не имеет и не может иметь никаких империалистических целей, может и международный пролетариат, и наша партия брать на себя **политическую ответственность** за ее позицию во время войны. Только признавая исключительную роль СССР, как авангарда социалистического строительства, можно задаче ее защиты подчинить тактику международного пролетариата, во время войны. Только под этим углом зрения постановка вопроса об обороне Советской России не возвращает нас к социал-патриотизму 1914 года.

**

Защита Советской России, разгром германского фашизма — представляющего собой оплот мировой реакции и главного организатора нападения на Советскую Россию — завоевание власти и осуществление социализма — вот триединая задача, которую история поставила в настоящее время перед рабочим классом. Какова же должна быть «генеральная линия» пролетариата, способствующая скорейшему достижению этих целей? Та ли это линия, которую рекомендуют нам тезисы?

По моему мнению, намечаемая тезисами тактика не ведет пролетариат в желательном направлении.

Сами авторы тезисов несомненно чувствуют и внутреннюю противоречивость ряда своих положений, и опасные стороны некоторых постановок вопроса. Поэтому почти каждый тезис сопровождается оговоркой-антитезой. Тем не менее мы все же имеем перед собой достаточно определенную тактическую линию, предлагаемую пролетариату для практического руководства в предвоенной и в военной ситуации.

Характерно для данной позиции, что в ней отсутствует отчетливая постановка вопроса о необходимости классово-самостоятельной политики международного пролетариата в его борьбе за предотвращение войны и во время войны. Наоборот, установка тезисов ведет, конечно, помимо воли их авторов — к вовлечению рабочего класса в орбиту международной политики империализма, к сотрудничеству с буржуазией.

Тезисы предлагают международному социализму «поддер-

*) Какие политические выводы из этого признания должна сделать наша партия, к этому я предполагаю вернуться в особой статье.

живать правительства стран, удовлетворенных результатами последней войны и потому желающих сохранения мира», поддерживать создание мощной капиталистической коалиции против фашизма, поддерживать договоры коллективной безопасности, региональные пакты.

Такая тактика, какими бы оговорками она ни сопровождалась, делает пролетариат политически ответственным за международную политику капитализма без того, чтобы пролетариат имел возможность какого-либо действительного воздействия на эту политику.

Речь идет, конечно, не о том, что международный пролетариат не должен использовать в свою пользу противоречия капиталистических интересов. Совершенно очевидно, что он должен делать это повсюду, где только такая возможность представляется. Под этим углом зрения приходится признать безусловно правильной политику Советской России, заключающей пакты и соглашения с одними капиталистическими странами, чтобы парализовать силы других враждебных группировок. Но эта тактика допустима потому и постольку, поскольку Советская Россия представляет собой самостоятельный международный фактор, поскольку она не идет на буксире буржуазных правительств, не является проводником империалистической политики, а, наоборот, ведет свою собственную линию, противодействующую империалистическим замыслам. При этих условиях на СССР не может быть переложена ответственность за действия капиталистических держав.

Иное положение пролетариата в капиталистических странах. В данной ситуации пролетариат не в состоянии навязать своей воли капитализму. Вследствие этого создается положение, при котором не пролетариат использует капитализм, а капитализм использует поддержку рабочего класса в своих интересах тогда, когда это ему выгодно. Английское правительство не воспрепятствовало Японии расправиться с Китаем, хотя рабочий класс Англии признавал это вмешательство необходимым. Теперь же, когда империалистические интересы побуждают английское правительство выступать в роли «защитника малых народностей», оно изображает себя выразителем требований английских народных масс. Какую бы настойчивость ни проявлял пролетариат в поддержке тех или иных международных пактов как бы ни считал он их необходимыми, он в нынешних условиях не может воспрепятствовать тому, чтобы эти пакты не превращались в простые лоскутки бумаги, если этого захотят подписавшие их капиталистические правительства. Фактически пролетариат не имеет сейчас возможности влиять на международную политику. Но как может быть опасно иногда это вмешательство для пролетариата, что может означать поддержка империалистических пактов, т. е. принятие на себя за них политической ответственности, показывает наглядно тот случай, когда французская социалистическая фракция парламента голосовала за римский пакт, которым, как выяснилось впоследствии, Франция предоставила Италии свободу действия в Абиссинии.

Тактика «поддержки», рекомендуемая тезисами, должна привести в конечном счете к тому, что в глазах широких масс сотрется грань между политикой социалистических и буржуазных партий, тем самым ухудшатся условия для социалистической пропаганды и агитации, неизбежно уменьшатся шансы революции и победы социализма. Красноречивой иллюстрацией к этим положениям может служить то, как в Англии позиция рабочей партии в отношении итало-абиссинской войны в представлении широких масс отождествилась с позицией английского правительства.

Переходя к рассмотрению тактики, намечаемой тезисами в условиях наиболее вероятной военной комбинации: войны Германии против Советской России, — союзниками которой окажутся некоторые капиталистические державы — мы видим, что и здесь центральным пунктом является вопрос о классово-самостоятельной линии пролетариата, могущей обеспечить победу революции.

Две принципиально различные тактики намечают тезисы для пролетариата обеих коалиций. В то время, как германскому пролетариату рекомендуется тактика революционного поражения, — революция для низвержения фашизма и осуществления социализма, — в союзных с Советской Россией странах тезисы предлагают рабочему классу стать на «революционно-оборонческую» позицию. В этих странах, по мнению авторов тезисов, еще до войны пролетариат должен признать необходимость вооружения и военной подготовки. В случае же войны рабочий класс должен активно участвовать в обороне страны и «не может и не должен саботировать ведения войны». «Социализм должен звать рабочих к выполнению их долга в качестве солдат и работников военной промышленности». При этом подчеркивается, что проле-

тариат не должен брать на себя ответственности за действия буржуазного правительства, что эта тактика ни в коем случае не должна превратиться в политику бургфридена.

Авторы тезисов отдают себе отчет в опасности предлагаемой ими тактики, как показывают их оговорки. Тем не менее они ставят ставку на успех сложного стратегического плана, который, с одной стороны, должен обеспечить защиту Советской России, с другой, развязать революционные силы в стране, привести пролетариат к овладению властью и превратить войну в революционно-освободительную. Сущность плана в его двусторонности. Иначе, по признанию самих авторов тезисов, пролетариат может быть вынужденным в ходе войны осуществлять военные цели своих капиталистических правительств; иначе нет гарантии, что союзники не предадут Советской России и не выступят против нее, объединившись совместно с Германией.

Я никак не могу проникнуться оптимизмом авторов тезисов и допустить, что подобный план может быть двусторонне осуществлен. Предлагаемая тактика таит в себе неразрешимые противоречия. Как бы ни надеялись избежать этого авторы тезисов, пролетариат не будет в состоянии вести самостоятельную классовую линию и неизбежно скатится на позицию бургфридена.

В самом деле, война в капиталистических странах, хотя бы и в союзных с Россией, будет вестись обычными капиталистическими методами, т. е. за счет переложения всех ее тягот на плечи широких масс населения. Война приведет в то же время ко все большему урезыванию «демократии», к росту диктаторских тенденций в политической области. Если социалисты в странах воюющих с Германией — в отличие от тактики рекомендуемой внутри Германии — будут руководствоваться в первую очередь стремлением не дезорганизовать оборону, они вынуждены будут сдерживать нарастающее недовольство масс, они должны будут требовать от рабочего класса во имя победы над Германией отодвинуть на второй план его классовых интересов. Они будут вести фактически политику бургфридена, которая приведет к ряду чрезвычайно отрицательных последствий.

Она в первую очередь будет способствовать нарастанию социал-патриотических настроений в широких массах, для которых агитация социалистов ничем не будет отличаться от агитации буржуазных партий. Нельзя не предвидеть, что и в самих социалистических партиях буйным цветом вновь распустится социал-патриотизм. Тезисы исходят из того, что социалистические партии сумеют вести гибкую «двухфронтную» политику, что они сумеют в нужный момент сделать поворот на 180° и перевести страну на революционные рельсы. Но эта тактика будет затруднена и сопротивлением националистических настроений в массах, и сопротивлением в собственных рядах социалист. партий. С другой стороны, оборонческая политика социалистических партий сделает их в глазах широких масс ответственными за политику буржуазных правительств. В момент нарастания революционной волны окажется, что эти партии утратили доверие масс, что они не в состоянии возглавить движения и привести его к победе. Положение ухудшается еще и в связи с тем, что и коммунистическая партия, идеология которой ранее была далека от оборончества, из-за своей переориентировки в этом вопросе за последнее время, будет так же дискредитирована и не сможет взять на себя роль организатора революции.

Оборонческая тактика не только не сможет развязать боевой энергии масс, не только не будет подготавливать революции, а, наоборот, создаст максимально неблагоприятные условия для борьбы рабочего класса. А это угрожает поражением пролетариата, разгромом Советской России, победой мирового фашизма.

Ошибка тезисов заключается в том, что они допускают возможность отсрочки постановки социальной революции в порядке дня. Речь идет, конечно, не о том, что Бауэр, Дан или Жиромский не хотят немедленного осуществления социальной революции. Но что приводит их к неправильной установке, это несомненно присущая авторам тезисов недооценка сил и возможностей массового рабочего движения, это неверие в способность пролетариата самостоятельно творить свою судьбу.

Горький опыт последних лет показал, однако, что промедление в осуществлении назревших революционных задач может грозить рабочему классу бедствиями большими, чем попытка преждевременного их разрешения. Тень Вены легла на тезисы. Но вспоминая о поражении австрийского пролетариата, нельзя не поставить вопроса, не кроется ли причина этого поражения в запоздалости революционного выступления?

Военная ситуация не только не отодвигает задачи осуществления социальной революции на второй план, наоборот,

она делает ее максимально актуальной, первоочередной. То, что социализм в глазах широких масс становится не только освободителем от капиталистического гнета, но и спасителем человечества от неисчислимых бедствий войны, усиливает его притягательную силу, распространяет его влияние за пределы рабочего класса также и на широкие слои мелкой буржуазии. И все это повышает шансы революции.

Пролетариат и его партии должны держать курс не на поддержку в том или ином виде политики капиталистических держав, не на участие в капиталистическом ведении войны, а на развязывание и мобилизацию боевой энергии масс, на завоевание власти.

Указание на то, что подобная постановка вопроса утилитарна, так как она, мол, не считается с реальным положением вещей, с состоянием рабочего движения и социалистических партий, мне не представляется убедительным. Если исходить из того, что рабочие партии и интернациональные объединения вообще не в состоянии вести самостоятельной классовой политики, не в состоянии идти по пути революции, то это означает, что при проведении намечаемой тезисами тактики, решающими окажутся как раз те моменты, влияние которых авторы тезисов надеялись устранить. И рабочий класс, проводя оборонческую тактику, совершенно неизбежно попадет в плен враждебных классовых сил.

Если политическая и психологическая подготовка масс к революции не даст результатов еще до войны, не поможет ее предотвратить, то зато она облегчит осуществление революции тогда, когда начавшаяся война даст массам в руки оружие. Можно не сомневаться, что правильная интернационалистская политика пришедшего к власти пролетариата — заявление об отказе от всяких завоевательных целей, предложение взаимного разоружения — приведет непосредственно к развязыванию революции и в Германии, к скорейшей и радикальной ликвидации фашизма.

Но если бы и начало войны не развязало сразу револю-

Но если бы начало войны и не развязало сразу революцию своей классовой политики интересам «обороны». В этих условиях он должен был бы вести неурезанной свою классовую борьбу, всеми средствами отстаивать свои требования и в социально-экономической, и в политической области, используя все возможности для расшатывания существующего режима и организуя силы для революционного выступления и завоевания власти. Только такая тактика революционной целеустремленности при классово-самостоятельной политике сохранит боеспособность пролетариата и будет способствовать скорейшей победе революции и успешному разрешению тех задач, которые стоят перед мировым пролетариатом.

О. Доманевская.

Отклики на „Тезисы“ Бауэра-Дана-Дюнуа-Жиромского

ЧЕШСКИЙ С.-Д., Т. КОЕЦКИЙ.

В № 7/8 «Дельника Освета», ежемесячника чешских социалдемократов, помещена обширная статья тов. Зденека Коецкого, посвященная «тезисам», опубликованным тт. Бауэром, Даном и Жиромским.

Т. Коецкий видит большую заслугу авторов тезисов в том, что они поставили перед всем Социалистическим Интернационалом вопрос, к обсуждению которого необходимо сейчас приступить, если не хотеть, чтобы при вспышке новой войны — а вся мировая обстановка заставляет опасаться возможности такой вспышки! — воцарился снова идейный хаос и разброд в рядах международного социализма. Но и по существу трактовки вопроса, т. Коецкий видит в «тезисах» громадный шаг вперед, потому что они впервые пытаются обосновать позицию социализма по отношению к угрожающей войне не только на основе общего, теоретического анализа тенденций капиталистического развития, но и на основе тщательного анализа той конкретной исторической обстановки, в которой грозит разразиться новая война, на основе учета того нового, что внесено в расположение международных сил послевоенной эпохой. Это новое т. Коецкий, вместе с авторами «тезисов», видит в появлении двух таких факторов исторического значения, как фашизм, с одной стороны, русская революция, с другой, — факторов, которые должны в ходе будущей войны сделать национал-социалистическую Германию и Советскую Россию центрами притяжения для полярно противоположных социальных сил. Учет этих факторов позволил авторам тезисов, принадлежащим, как указывает т. Коецкий, к левому крылу Интернационала, сделать шаг вперед и по отношению к «Циммервальдской» позиции

Пошли в продажу в конторе «Соц. Вестника»

НОВЫЕ БРОШЮРЫ :

L'Internationale et la Guerre

Thèses de Otto Bauer, Théodore Dan, Amédée Dunois et Jean Zyromski

préfacées par Fr. Adler et suivies d'une lettre de H. N. Brailsford

Sté d'Éditions «Nouveau Prométhée»

Paris 1935. Prix : frs 1.50

Die Internationale und der Krieg

Von Otto Bauer, Theodor Dan und Jean Zyromski

mit einem Vorwort von Friedrich Adler und einer Erklarung von H. N. Brailsford

Wien 1935. Preis : frs 1.50

этого крыла, показать историческую пережитость тех лозунгов, которые в прошлую войну выдвигали и Циммервальдское большинство (мир на основе статус кво), и Циммервальдское меньшинство («революционное поражение»), и дать практическую программу, объединенную общими для всего Социалистического Интернационала принципами, но получающую различное конкретное выражение в различных странах, в зависимости от позиции, занимаемой ими в войне.

Т. Коецкий выражает свое полное согласие с принципами военной политики, намеченными в «тезисах», и считает их безупречными с марксистской точки зрения. Но он считает нужным все-же высказать свои критические сомнения насчет «политической и психологической» осуществимости тех форм тактики, которые рекомендуются тезисами для демократических стран, коалирующихся с Советским Союзом. Остановившись, в частности, на Чехословакии, он указывает, что отказ социалистов взять на себя политическую ответственность за ведение войны до перехода власти в руки рабочего класса или, иначе говоря, отказ их вступить в руководящее войною коалиционное правительство имел бы для маленькой Чехословакии, со всех сторон окруженной вероятными союзниками Гитлера, иные последствия, чем для какой-либо великой державы. Этот отказ связан неизбежно с известным ослаблением силы военного отпора. Но, если для большой страны такое временное ослабление роковых последствий может и не иметь, то для Чехословакии оно означало бы неизбежный разгром и оккупацию ее гитлеровскими войсками. Но, переходя от Чехословакии к странам анти-гитлеровской коалиции вообще, т. Коецкий полагает, что авторы тезисов ошибаются, строя, как возможную перспективу, схему: завоевание власти рабочим классом в этих странах — разгром гитлеризма и революция в Германии — мир, кладущий основание европейской федерации социалистических стран. По его мнению единственно реальная перспектива это — военный разгром гитлеризма — революция в Германии — и уже исходя из этого военного разгрома, этой революции и победы Советского Союза, — продвижение к власти рабочего класса в странах победившей коалиции.

Обосновывая эти свои критические замечания, т. Коецкий в заключение своей статьи еще раз указывает, что они никоим образом не умаляют ценности «тезисов», имеющих еще и ту заслугу, что они, как показывают решения 7 конгресса Коминтерна, могут послужить в ходе войны платформой рабочего единства, формулируют пролетарские требования к политике Советского Союза в предвоенный и военный период и не оставляют никакого сомнения в том, что социализм с отвращением относится к войне, не хочет делать ее орудием своей политики, но в то же время считает себя обязанным использовать и войну в интересах освобождения человечества, если господствующие классы капиталистического общества навяжут ему войну.

Ж. Б. СЕВЕРАК.

В «Попюляр» от 20 ноября помещена статья второго секретаря французской социалистической партии, Ж. Б. Северака, подробно излагающая основные идеи тезисов Бауэра-Дана-Дюнуа-Жиромского об «Интернационале и войне». Не высказываясь по существу позиции, занятой авторами тезисов, Северак подчеркивает, что они во главу угла задач международного социализма ставят борьбу за мир, но считают необходимым, чтобы Социалистический Интернационал заранее подготовился на тот случай, если, вопреки его усилиям, военная катастрофа все-же разразится. В заключение своей статьи, Северак указывает, что цель авторов тезисов, которые, естественно, вызвали некоторое возмущение в международном социалистическом мире, заключалась в том, чтобы вызвать дискуссию по жизненному для социализма вопросу, и цель эта до известной степени уже достигнута: тезисы начинают вызывать отклики с разных сторон. В частности, т. Северак указывает на брошюры тт. Аустриакса и Марсо Пивера, вышедшие в том-же издательстве «Новый Прометей», которое напечатало французское издание тезисов.

ТОВ. П. ШЕФФЛЕР.

В ноябрьской книжке «Кампф» обширную статью посвятил тезисам т. П. Шеффлер, принадлежащий к той группе германских социалдемократов, платформой которой служит известная брошюра «Ней Бегинен». Т. Шеффлер критикует тезисы с точки зрения «революционного пораженчества», которое Ленин, по его толкованию, понимал, как развертывание борьбы рабочего класса за власть во время войны независимо от тех опасностей, которые такая борьба может представлять с точки зрения непосредственного исхода войны. Такого рода «революционное пораженчество» должно практиковаться в грядущей войне во всех странах одинаково, независимо от их участия в той или иной коалиции. Действительная защита Советского Союза может заключаться лишь в скорейшем совершении пролетарской революции.

Свою статью т. Шеффлер заканчивает:

«Заслуга тезисов Бауэра-Дана заключается в том, что они поставили в порядок дня необходимую дискуссию, высказались за защиту Советского Союза и связали военную проблему с проблемой борьбы за власть. Но указанный ими путь не реален, их кругозор слишком узок».

От редакции. — По причинам организационно-технического характера настоящий номер «Соц. Вестн.» выходит без отдела «По России».

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Пробуждение № 62-63. Сент.-Окт. 1935.

Звезда России. № 11 (75). Ноябрь 1935.

«Современные Записки» кн. 59.

Cahiers du bolchévisme, 1 nov. 1935, N° 22.

Der Kampf, N° 11, November 1935.

Le Combat marxiste, N° 25, Novembre 1935.

Delnicka Osveta, ежемесячник чешской с.-д. партии. Прага. № № 1-9. 1935 г.

Mihkel Martna. 1860-1934. Kirjastusühing «Joprus». Tallinn, 1935.

Prométhée, N° N° 106, 107.

Marxistische Tribüne. Diskussionsblätter der S. A. P. N° 1, Anfang November 1935.

Schul-Wegn N° 2. Warszawa, 1935.

Руски Архив, т. 34-35. Beograd, 1035.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 7/11, 18/11.

Отослано: № 5, 6 и № 46.

От редакции. — Следующий, двойной № 23/24 выдет 20-го декабря.

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т :

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Etoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Etoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETIE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кромѣ того отдельные №№ продаются в конторе журнала (от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

“ DER KAMPF ”

INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

В конторе „Социалистического Вестника“ принимается подписка на следующие издания :

1. „NEUER VORWAERTS“ — еженедельный орган германской соц.-дем.-тии, издаваемый в Карлсбаде, цена за 3 мес. — 18 франц. фр.
2. „DEUTSCHE FREIHEIT“ — ежедневная газета герм. с.-демократии, издаваемая в Саарбрюкене. Цена за 3 мес. — 36 франц. фр. плюс фактическая стоимость пересылки.
3. „ZEITSCHRIFT FUER SOZIALISMUS“ — ежемесячный орган Герм. Соц.-Дем. Раб. Партии. Цена за 3 месяца для Чехословакии 12 чешск. крон.
4. „ARBEITER-ZEITUNG“ — ежедневная газета австрийской с.-дем.-тии, цена в месяц 7 австр. шиллингов.
5. „POPULAIRE“ — ежедневная газета франц. соц. партии, цена за 3 мес. — 25 франц. фр.
6. „KAMPF“ — ежемесячный с.-д. журнал австрийской партии, цена за год 10 австр. шиллингов, за 3 месяца 2,50 австр. шилл.

Подписка принимается не менее, чем на 3 месяца по ценам издательств.